

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 08.00.00 — экономические науки; 22.00.00 — социологические науки.

Научно-организационная работа по изданию журнала
осуществляется при поддержке
Международного научно-исследовательского института
социального развития

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА, 05, 2021

© 2021

Дмитрий Егоров

доктор философских наук, профессор Псковского филиала Академии ФСИН России и
Псковского государственного университета (г. Псков, Россия)
(e-mail: de-888@ya.ru)

О СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ С ПОЗИЦИИ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Автор считает, что методологические противопоставления нормативных и позитивных теорий, а также дедуктивно-аксиоматического и конкретно-исторического методов в значительной степени схоластичны. Обосновывается тезис, что «эмпирический поворот» в экономике, в сущности, есть регресс к методологии позитивизма конца XIX — начала XX века.

Ключевые слова: методология, нормативная теория, парадигма, позитивная теория, принцип, экономическая теория.

DOI: 10.31857/S020736760014934-6

Гносеологический реализм — философская позиция, предполагающая принципиальную познаваемость мира, хотя на каждом конкретном этапе развития человечество располагает лишь знанием относительно истинным. Однако абсолютная истина как полное знание о мире, вполне вероятно, никогда не будет достигнута. Тем не менее, в знании, наряду с элементами заблуждения, всегда присутствуют элементы истины.

Здесь важно отметить, что тезис о принципиальной познаваемости мира предполагает принятие следующих философских принципов: 1) признание существования мира; 2) признание существования истины; 3) признание единства мира (и истины).

Принцип существования мира, очевидно, необходим: если отрицать это существование, то что, собственно, мы собираемся познавать? Принципам (2–3) дадим комментарии:

Истина — соответствие мысли своему предмету. Это определение дано Платоном¹ и было принято как цель деятельности сформировавшимся в Новое время социальным институтом науки: «цель научного познания — выработка истинного знания о мире» [3. С. 155]². Любая мысль (а также упорядоченная

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «О единстве экономической теории» № 19-010-00092.

¹ «...тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину; тот же, кто говорит о них иначе — лжет» [1. С. 615]. Вот одна из современных формулировок: «истина — соответствие приписывания присущности» [2. С. 10]. Очевидно их практическое совпадение.

² А. Никифоров, не отрицая известных сложностей использования классического понятия истины (в частности, отсутствия четких и однозначных критериев истины), тем не менее указывает, что отказ от понятия истины разрушает ядро нашего мышления, — логику, и лишает смысла научную деятельность [4. С. 52, 56]. Мы полностью разделяем эту точку зрения.

совокупность мыслей, например, теория) предполагает, что мир имеет упорядоченность: ибо мысль есть идеальная модель какого-то аспекта реальности, и будь мир полным хаосом, его нельзя было бы помыслить (построить его модель).

Принцип единства мира означает единство законов, лежащих в основе этого упорядочивания. Его принятие лежит в основе науки: научное знание универсально, то есть не зависит от места и времени его получения. Единство мира подразумевает единство истины.

В настоящей работе мы предполагаем рассмотреть некоторые тенденции в современной экономической теории и методологии экономики с позиции гносеологического реализма (то есть, в том числе принятия принципов (1–3)).

В частности, мы предполагаем показать, что современная методология экономики отягощена рядом ложных (мнимых) дихотомий, ведущих к ее фрагментации. По нашему мнению, это есть признак скорее кризиса, нежели прогресса.

Также мы предполагаем эксплицировать некоторые следствия из признания «множественности истин» (что становится последние десятилетия «модным трендом»): по нашему мнению, вопрос об отношении к категории «истина» есть форма вопроса о демаркации науки от других форм знания.

Эти две обозначенные нами темы, по нашему мнению, тесно связаны между собой.

Нормативные теории – позитивные теории. Традиции разграничения позитивных (описывающих то, что в реальности есть) и нормативных (описывающих, какой экономика должна бы быть) экономических теорий как минимум 200 лет (см., напр.: [5. Гл. 5]). Мы, конечно, не собираемся спорить с тем, что модель реальности в настоящем (а любая теория – это идеальная модель) и модель желательной реальности, – это не одно и то же. Вопрос в том, являются ли эти типы теорий *принципиально разными* не только по своему предназначению, но также и по методам построения, и по своей внутренней архитектуре.

Обсуждаемая дихотомия была четко сформулирована в рамках философии логического позитивизма³, а именно: принципы «позитивной» теории и можно, и нужно получать индуктивно (обобщая факты), а вот нормативные теории строятся якобы иначе: интуитивно находятся некие принципы,

³ Термин «позитивизм» зачастую употребляют весьма вольно. Мы понимаем под философией логического позитивизма (неопозитивизма, «3-го позитивизма») идеи Б. Рассела [6], раннего Витгенштейна [7] и философов Венского кружка о том, что в науке следует избавляться от метафизических предположений, путем проверки научности теорий методом верификации: если теоретическое положение можно свести к фактам – оно научно, если нет – оно метафизично, следовательно – ненаучно.

Концепции К. Поппера и его учеников (И. Лакатоса, П. Фейерабенда, др.) относятся к постпозитивизму. Важно отметить: постпозитивизм не является развитием логического позитивизма. Более того, постпозитивизм является его антагонистом: именно в работах постпозитивистов была показана философская несостоятельность позитивизма логического. К. Поппер прямо и, на наш взгляд, вполне обоснованно утверждал [8. Р. 87–97], что его работа 1934 года «Logik der Forschung» [9] привела к философской смерти логического позитивизма.

дедуцирующие следствия, которые и описывают желательное положение дел⁴.

Но, как ясно показал, например, К. Поппер еще в первой половине XX века, выведение аксиом и принципов индуктивно (общего через единичное) не то чтобы сложно или «неэффективно», а просто невозможно [9. С. 88–93, 124–126], и исследования в области философии науки после Поппера определенно свидетельствуют, что никто с тех пор его аргументы не опроверг (см., напр.: [11]). Создание теории (нахождение ее принципов) – процесс неформализуемый, и определенно не является «индукцией из фактов» [12. С. 299, 336]. Иначе говоря, любое наблюдение, эксперимент (то есть наблюдение

в специально созданных условиях) и вообще любая подборка фактов уже *предполагают* некоторую теоретическую схему, вне которой просто немыслимы. Любая попытка вывести общее из групп единичностей противоречива, поскольку образование группы уже предполагает общее в качестве своего основания [13]. Иными словами, исследователь, провозглашающий, что его теория «выведена из фактов», реально уже на стадии подборки фактов имеет некую теоретическую схему, которая и определяет то, какие факты будут отобраны. Наблюдение всегда целенаправленно: мы исходим из определенной задачи и наблюдаем (в принципиально бесконечно разнообразном мире) только то, что нужно для решения этой задачи. То, что наш гипотетический исследователь может не отдавать себе отчета в наличии у себя предварительной теоретической схемы — ничего принципиально не меняет в том, что он *делает* (хотя довольно сильно влияет на то, что он о своих действиях говорит и думает)⁵.

Соответственно, принципиальной разницы между нормативными и позитивными теориями нет ни по методам их построения, ни по их внутренней архитектуре. По нашему мнению, никакая теория, взятая *per se*, вне контекста, не является ни нормативной, ни позитивной. Позитивной или нормативной теория становится, когда она (ее принципы) ставится в соответствие либо какому-то фрагменту мира реального, либо какому-нибудь миру идеальному. Например: позитивна или нормативна теория общего экономического равновесия (ТОЭР) Эрроу—Дебре [15]? Если мы рассматриваем ситуацию электронных торгов с потенциально бесконечно делимым товаром, при большом количестве продавцов и покупателей, отсутствием агентов с доступом к инсайдерской информации и ряде других условий, ТОЭР может рассматриваться как теория позитивная. А при переходе от плановой экономики к рыночной

⁴ Различие нормативного и позитивного в экономической науке обосновывалось также и апелляцией к «гильотине Юма», то есть невозможностью выведения этических принципов из фактов (при этом нормативное отождествлялось с этическим, а потому нормативные и позитивные аспекты экономики должны бы быть строго отделены друг от друга). Но это отождествление, как верно отмечает, например, У. Хэндс [10. С. 56–57], является ложным: нормативные аспекты экономики совсем не обязательно должны регулироваться этикой.

⁵ Конечно, наше изложение представлений о сущности научной теории по необходимости

сти сжато. Подробнее см. [11; 14. С. 61–86].

(в частности, в России в конце XX века) ее роль была, очевидно, нормативной: «главное — форсированная приватизация, а дальше все сделает рынок, ведь он обязательно придет в состояние оптимального равновесия, ибо это “математически доказано”».

Другим примером является теория рационального выбора (ТРВ): «...теория рационального выбора является ядром современной микроэкономики, и микроэкономисты всегда считали ее... позитивной научной теорией» [10. С. 53]. В процитированной работе Хэндс приводит ряд примеров нормативной интерпретации ТРВ и констатирует «склонность все большего числа экономистов рассматривать ТРВ в качестве нормативной теории рациональности и отделять нормативное от этического» [10. С. 72]⁶.

Дедуктивно-аксиоматический метод — конкретно-исторический (эмпирический) метод. Эта дихотомия также идет от идей позитивизма: представления, что при исследованиях исторически конкретных экономических систем применяются якобы принципиально иные процедуры (сбор и обобщение фактов), нежели при дедуктивно-аксиоматическом построении универсальных теорий, — и потому это якобы принципиально разные методы. Ярким образцом такой логически ложной коллизии является «спор о методах» между К. Менгером и Г. Шмоллером (по нашему мнению, эта дискуссия если что-то и продемонстрировала, то только догматизм и методологическую ограниченность обеих сторон).

У обозначенного в данном разделе противопоставления (сопровождающегося, как правило, рекомендацией следовать какой-то одной части выше-

сформулированной дихотомии⁷⁾ есть немало сторонников и в XXI веке. Так, в работах В. Ефимова [16] содержится критика мейнстрима, именно как аксиоматизированной и математизированной теории (отчего якобы мейнстрим и неадекватен экономической реальности), и призыв к возврату к методологии Г. Шмоллера, к «конкретным теориям с опорой на факты» и т.д.

По этому поводу мы отметим следующее. Наука — это иерархия теорий, от предельно общих (универсальных) до частных (объясняющих конкретные ситуации, используя теории универсальные). Противопоставление общих (и потому абстрактных) и конкретных теорий — это «противопоставление» разных уровней единой иерархии. Так, в механике есть множество конкретных моделей и частных теорий, но никому и в голову не придет противопоставлять их

⁶ Отметим, что в этой статье Хэндс не обсуждает критериев, при каких условиях та или иная интерпретация TPВ уместна (ограничиваясь перечислением громких имен интерпретаторов), и понятно почему: выделение таких критериев (а ими может быть только соответствие/несоответствие принципов теории какой-то реальности: эмпирической либо идеальной) очевидно идет вразрез с инструменталистскими установками мейнстрима.

⁷ Мы имеем в виду, в частности, имевшую место в XX веке поляризацию «радикальный рационализм» (Мизес, Роббинс) — «ультраэмпиризм» (Хатчисон). В такой крайней форме эта дихотомия принадлежит уже истории экономических учений, однако тенденция одностороннего подхода к проблеме проверки экономических теорий, очевидно, существует.

абстрактным законам Ньютона. Что касается конкретно мейнстрима, его критика, как предельно общая аксиоматизированная теория, могла бы быть уместна, если бы разработкой аксиоматического ядра (например, в форме ТОЭР Эрроу—Дебре) все и ограничивалось. Но современный экономический мейнстрим, очевидно, не таков и представляет собой многоуровневую иерар-

хическую научную программу с множеством достаточно конкретных теорий и моделей (многие из которых имеют не только эмпирическое истолкование и подтверждение, но и вполне конкретную практическую ценность).

Мы согласны с тем, что неоклассический мейнстрим дает во многом искаженную картину экономической реальности, — но дело тут не в аксиоматическом методе как таковом, а в неадекватно выбранных аксиомах⁸.

Согласны мы и с тезисом о большой идеологической роли мейнстрима в апологетике современного мирового финансово-экономического порядка, но дело тут, по нашему мнению, не в аксиоматическом методе *per se*, а во вполне конкретных принципах субъективизма и методологического индивидуализма: именно они являются теоретической основой в идеологическом обосновании якобы ненужности эталона у резервной валюты [17]⁹.

Что же касается призывов опираться на «конкретные факты», «интервью», «рассказывание историй», etc, здесь мы повторим тезис предыдущего раздела: такой призыв в чистом виде просто не может быть осуществлен в силу невозможности вывести хоть что-нибудь из одних фактов. Сам по себе набор фактов, если он не структурирован теорией, не означает ничего, и из него *ничего* не следует: также как груда кирпичей (даже очень большая, и высокого качества) в отсутствие архитектурного проекта останется просто грудой кирпичей. Проект может не быть нарисованным на бумаге по строгим правилам, но тогда он должен быть в сознании строителей (пусть в форме образа, ментальной картины). Позитивистски настроенные исследователи, даже если искренне уверены, что «идут от фактов», все равно имеют общую теоретическую картину реальности (в нашем случае — экономической), пусть и неотрефлексированную (содержащуюся в сознании в форме образов и принципов «здравого смысла», ибо, в отличие от квантовой механики, для понимания большинства экономических проблем обычного здравого смысла вполне достаточно).

Если эта общая научная картина мира (в нашем случае — мира экономического) будет аксиоматизирована, само по себе это будет огромным плюсом. Вопрос в соответствии системы аксиом и принципов экономической реальности.

⁸ Собственно, аксиомы ТОЭР сами по себе вполне адекватны, пока мы рассматриваем ее как идеальную модель максимально эффективной экономики, эталон, к которому желательно стремиться. Эта идеальная модель – выдающееся интеллектуальное достижение. Неадекватными аксиомы ТОЭР становятся, если утверждать, что ТОЭР описывает не идеальный частный, а общий случай, то есть при неправомерном обобщении ее выводов.

⁹ А отсутствие эталона у денег, и, соответственно, каких-либо обязательств у эмитентов мировых валют, дает возможность практически безграничной финансовализации всей мировой экономики, и превращении ее в одно огромное казино.

Что же касается тезиса о якобы избыточной математизации мейнстрима, то, по нашему мнению, степень адекватности теорий связана не со степенью их математизации, а с адекватностью их принципов (и только с этим). Сама по себе математизация — при прочих равных, — очевидный признак прогресса в развитии соответствующей теории. Огромное количество статей, переполненных изощренными математическими построениями и совершенно бессмысленных с точки зрения понимания процессов в экономической реальности, связано, по нашему мнению, не с математикой самой по себе, а со схоластичностью постановки задач и проблем. Эта схоластичность мейнстрима вытекает не из методов решения задач, а из искажения восприятия реальности, воспринимаемой сквозь призму неоклассических аксиом. Замена математических формул словесными рассуждениями здесь ничего не изменит по существу (разве только станет очевидной убогость выводов, если она не будет скрываться нагромождением математических формул).

Формальная элиминация «избыточной математизации» мейнстрима — это такая же формально-схоластическая идея, как и представление, что математизация *per se* может привести к прогрессу, ибо дело совсем не в степени математизи-

рованности. Так, работы К. Эрроу весьма математизированы, в то время как не менее известные статьи Р. Коуза [18–19] математических выкладок не содержат. В то же время Коуз в этих своих двух работах, в сущности, уточняет условия, при которых рыночное (сетевое) регулирование экономики приводит к оптимальному распределению ресурсов в социуме¹⁰, и по сути как Эрроу, так и Коуз развивают один и тот же неоклассический подход, — неоинституциональный подход просто приближает мейнстрим к реальности, но отнюдь не отменяет жесткое ядро мейнстрима (каковой является теория идеального рынка).

Ряд авторов выступает за отказ от универсальных аксиоматизированных теорий с несколько иной аргументацией: основываясь на тезисах о якобы крайней сложности и/или постоянной изменчивости экономической реальности, что и делает создание универсальной экономической теории якобы невозможным. Из этого делаются выводы: в экономике следует ограничиваться созданием конкретных моделей для отдельных ситуаций, не претендуя на большее [20]; знание аккумулируется в экономике не вертикально, а горизонтально, методом генерации новых моделей для новых проблемных ситуаций [21. Р. 67], etc.

Здесь мы отметим следующее:

О тезисе якобы крайней изменчивости экономической реальности, меняющейся настолько резко, что перестают действовать закономерности, имевшие место ранее.

¹⁰ В первой из этих работ Коуз сформулировал понятие трансактных издержек и показал, что при их наличии рынок может быть менее эффективным способом координации, нежели директивное управление, — из чего вытекает принцип отсутствия трансактных издержек для модели идеального рынка. Во второй работе Коуз показал, что рыночное регулирование эффективно только при полной спецификации прав собственности, — что дает еще один необходимый для модели идеального рынка принцип.

По нашему мнению, за последние 100 лет случилось лишь одно принципиальное изменение экономической реальности: появление в 1971 году ничем не обеспеченной резервной валюты. Что же касается остальных изменений, мы никак не можем согласиться с тем, что какое-либо из них принципиально изменило сущность экономических процессов. Финансовые пузыри? — Первый финансовый пузырь был «надут» несколько сотен лет назад в Голландии («тюльпанная лихорадка»). Электронные деньги? — и что принципиально они меняют в экономике по сравнению с банковскими записями на бумаге, кроме ускорения сделок? Экономические процессы, как и раньше, сводятся к такой комбинации трудовых и природных ресурсов с промышленными и организационными технологиями, чтобы при возможно меньшей затрате ресурсов получить максимум полезного продукта. Два принципиальных типа таких организационных технологий, — сетевой (рыночный) и иерархический (плановый, командный), — тоже известны достаточно давно. Увеличилось количество типов ценных бумаг? — но все они, как и раньше, сводятся, в конечном счете, либо к фиксации прав собственности, либо чьего-то долга.

Важно отметить: единственное действительно принципиальное изменение экономической реальности (отказ от золотого обеспечения у доллара) не вызвало у экономистов практически никакой теоретической рефлексии. Финансиализация мировой экономики, рост деривативов, etc., — все это перешло из разряда немыслимого в возможное, а затем стало реальным в результате появления 100% фиатной резервной валюты. Без отражения этого фундаментального изменения «правил игры», — отражения в форме фундаментальной теории, — построение любых частных моделей процессов взаимодействия финансового и реального секторов мировой экономики в принципе не может привести к пониманию происходящего в мировой экономике (и вообще в мире): так же как груда цветных камушков никогда сама собой не сложится в мозаику, если нет общего эскиза.

Собственно, именно так и начинает выглядеть современная экономическая наука [22]. Вопрос в том, признать ли это «новой нормой» или же регрессом

понятийного знания.

Что касается сложности экономических систем: согласимся, экономическая реальность сложна, как и физическая, химическая, социальная... Если бы она была проста и очевидна, наука была бы не нужна (в свое время это отметил еще К. Маркс). В то же время, принципиальная возможность построения универсальных теорий *необходимо* следует из принципа единства мира: если мир един в своей сути, то есть упорядочен по единым законам, то наука в целом (и каждая отдельная дисциплина) в принципе *может быть построена* как единая иерархическая система¹¹.

¹¹ При этом мы не утверждаем, что это сделать просто. Может быть, в силу человеческой ограниченности, эту задачу в полной мере и не удастся выполнить. Но мы категорически

Методологические декларации о «горизонтальном прогрессе» экономического знания возникли не на пустом месте. Как справедливо отметила по этому поводу О. Кошовец [22], это есть попытка легитимизации процесса так называемого «эмпирического поворота» в экономических исследованиях¹². Равнодушие эмпирических и экспериментальных исследований к наличию/отсутствию какого-либо теоретического построения/подхода О. Кошовец трактует как следствие тупиковости попыток превращения экономической науки в «чистую» дисциплину гипотетико-дедуктивного типа, замещения содержательных теоретических онтологий формальными [22. С. 18–19, 25–26], а также как процесс трансформации науки в «*нечто новое*, что мы лишь в силу институциональных и культурных причин продолжаем именовать “наукой”, но предположительно стоит обозначить как “технонаука”» [22. С. 33].

По нашему же мнению, «эмпирический поворот», конечно, трансформация, но отнюдь не развитие науки в «нечто новое», а методологический регресс.

Призыв к фактическому отказу от теоретического метода (и замещении гипотетико-дедуктивных теорий эмпирическими обобщениями) отнюдь не нов: это лозунг позитивистов конца XIX — начала XX веков¹³.

Однако значительно архаичнее отказ от принципа единства мира, который ряд авторов стремятся не только объяснить (какими-то якобы объективными «эпистемологическими основаниями»), но и фактически оправдать: «...любая деятельность, связанное с этим целеполагание, результаты и институализированные практики не могут не предполагать *общую* картину мира. И если в рамках научных занятий ее не формирует теория, значит, она *формируется в каком-то другом месте...* в рамках научной теории (к тому же формализованной и построенной на логико-дедуктивной основе) противоречие по определению существовать не может (иначе это подрывает ее истинность), но оно может существовать в рамках практик и в “картине мира”. Именно поэтому экономисты не испытывают дискомфорта, находясь в рамках балканизированной реальности и прямо противоречащих друг другу эконометрических оценок» [22. С. 18].

Здесь у нас возникает вопрос: что в приведенной обширной цитате подразумевается под «картиной мира», в рамках которой противоречие якобы «может существовать»? Такая «картина мира» — это в любом случае фундаментальная теория, просто неформализованная — представленная в сознании ее

не согласны с зачислением задачи построения универсальной экономической теории в разряд принципиально нереализуемых утопий (типа создания вечного двигателя).

¹² «Эконометриковерие» по Р. Капелюшникову, то есть абсолютное превалирование эконометрических результатов над общей теорией, когда при конфликте между положениями теории и эконометрическими оценками экономисты отдают безусловное предпочтение вторым, полагая теоретические принципы условностью, не имеющей отношения к реальности [23. С. 13–16].

¹³ Как уже отмечено выше, ограниченность и тупиковость этого подхода была неоднократно продемонстрирована [8–9; 12–13].